

Цепилка. Прищепка. — Дай мне цепилку! [д., 3 г.].

Червяляной. Червивый. — Папа, зачем ты мне червяльное яблоко дал? [д., 5 л.].

Червячок. О зародыше. — Мария Александровна, вы знаете, как рождает кенгуру? — Нет, Анечка! — Сначала она рождает червячка без ушек и хвостика. [д., 5 л. 10 м.].

Шах. Играют в шахматы. — Я делаю тебе шаг! — А что это такое? — Нападение на твоего короля! [м., 6 л. 9 м.].

Шевелить. С тетей за шахматами: Нина, ну шевели своим королем! [м., 6 л. 9 м.].

Шепот. Ходить шепотом о тихой, неслышной ходьбе. — Мама, я умею ходить шепотом (прошелся по полу босиком) [м., 4 г.].

И.В. ЧЕКУЛАЙ
г. Белгород

СООТНОШЕНИЕ КОНЦЕПТОСФЕР МЕРЫ И ОЦЕНКИ В СОЗНАНИИ И РЕЧИ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ)

*„Мало — это когда ешь и ещё хочется,
а много — это когда хочется, но уже не лезет”
Попугай из м/ф „Как лечить удава?”*

Достаточно наивный детский вопрос „Много — это сколько?” при более пристальном рассмотрении перестаёт быть простым и наивным. Кванторные слова, такие как *много(-ий)/ мало(-ый), немного(-ие)/немало(-ый)* в русском языке уже по данным представленным поверхностным оппозициям обнаруживают существенные черты асимметрии. Действительно, если прилагательное *многий(-ая, -ое, -ие)* характеризует в первую очередь количественную репрезентацию объектов, подлежащих счёту, то внешне конгруэнтное ему (с точки зрения формально-логической оппозитивности) прилагательное *малый (-ая, ое. -ые)* представляет уже отличный от данного концепт, который можно охарактеризовать как „характеристика размера *целого* объекта”: *Малая земля, малые планеты* и т.п., являясь паронимическим вариантом лексемы, обычно передаваемой прилагательным *маленький*. Таким образом, асимметрия семантических отношений сводится к оппозиции „представленный множеством :: цел(ьн)ый”. В то же время оппозиция наречий *много :: мало* в целом является семантически конгруэнтной без каких-либо серьёзных оговорок и представляет ту же концептосферу, что и прилагательное *многий*. Но такая асимметрия присутствует и в оппозиции прилагательных и наречий *немного(-ие)/немало(-ый)*. Вместе с тем при попытке изменения по грамматической

парадигме (склонения) прилагательного с основой *немног-* обнаруживается, что у него отсутствуют формы единственного числа. Этому можно найти вполне логическое обоснование — поскольку данные прилагательные характеризуют лишь множество объектов, то у них обязаны отсутствовать формы единственного числа (при этом следует, конечно, исключить архаичные формы типа *многая лета* и т.п.). Однако языковая практика показывает, что при отсутствии каких-либо употреблений форм мужского и женского рода ед. числа этого прилагательного достаточно распространённым является его субстантивированное употребление в форме ед. числа среднего рода, например:

(1) *Многое можно было бы объяснить ей в этот тихий вечер.*

(2) *Он знал многое из того, что ему не положено было знать.*

С функциональной точки зрения слово *многое* в данных высказываниях несомненно является объектом, но некоторые трансформации типа

(3) *Многое может повлиять на исход встречи.*

(4) *Многое должно проясниться после этого разговора*

показывают безусловную возможность его употребления как грамматического субъекта. Между тем сопоставление высказываний

(5) *Многое можно объяснить таким подходом к данному явлению и*

(6) *Многое может быть объяснено таким подходом к явлению*

показывает, что в ряде определенных употреблений это слово может выполнять лишь семантическую роль пациенса (соответственно, в предложении-высказывании оно выполняет функцию дополнения), но таким трансформациям поддаются далеко не все высказывания. Так, если для высказывания (4) возможна трансформация *Этот разговор должен прояснить многое*, то она затруднительна для (3). Можно, конечно, предложить следующую интерпретацию за счёт синонимичной замены глагольной лексики:

(7) *Исход встречи может быть определён многим,*

однако она неудачна по следующим соображениям:

во-первых, *влиять* и *определять*, несмотря на их синонимический статус, всё же передают различные концепты;

во-вторых, в нормативном высказывании слово *многое* может употребляться только атрибутивно и требует согласования с такими существительными, как *факторами, условиями, гарантиями* и т.п.

Данные фрагменты структурного анализа так и не дают ответ на вопрос, какими семантическими характеристиками определены форма и функционирование указанного прилагательного в речи? Между тем, при попытке проанализировать концепт *многое* с позиций семантики (прежде всего, с лингвокогнитивных позиций) выясняется следующее.

Многое в его противопоставлении к слову *многие* сразу же обнаруживает семантическое несогласование с точки зрения грамматических категорий — если *многие* может согласовываться как с именами конкретной

семантики (люди, предметы, деревья и т.п.), так и с понятиями, предполагающими при их конкретном исчислении некоторую диффузность кванторности, такими, как *мысли, события, вещи* (например, в следующем высказывании „*Его сегодня раздражали многие вещи*“) и пр., то *многое*, не согласуясь с существительным, фактически передаёт диффузное количественное исчисление, имплицитно подразумевая концепты, передаваемые именами диффузной семантики. Так, приведённое высказывание *Его сегодня раздражали многие вещи* можно заменить другим, ещё более адекватным с точки зрения благозвучия:

(8) *Его сегодня раздражало многое.*

Возникает соблазн дать такому явлению объяснение с позиций структурной семантики. В частности, оно внешне очень хорошо вписывается в рамки терминологии нейтрализации семантических оппозиций [Апресян, 1974], поскольку различие между двумя сравниваемыми единицами становится нерелевантным. Это не совсем верно. При нейтрализации семантических оппозиций либо одна из оппозитивно противопоставляемых единиц „захватывает“ семантическую сферу другой (например, как в английском языке прилагательное *old* замещает всю оппозиционную шкалу, куда включается и его антоним *young* в специальных вопросах с *How ... ?*, или в структурах типа *He is ... years old*), либо члены оппозиции в речи проявляют способность ко взаимозаменяемости. В данном случае взаимозаменяемость ограничена, и, кроме того, едва ли можно говорить о нейтрализации единиц, образованных на однокоренной основе.

Т.В. Булыгина и А.Д. Шмелёв достаточно скупко описывают категориальную семантику русских слов *многое/немногое*, характеризуя их как знаки, обозначающие „множество неодушевленных (часто абстрактных) и при этом разнородных объектов“ [Булыгина, Шмелёв, 1997, 204]. Однако приведенные выше примеры и попытка анализа их функционально-семантических характеристик показывают, что концептуальная сфера данных кванторных слов выходит далеко за пределы собственно кванторности. Это означает, что онтологически концептосфера понятий „*многое/немногое*“ выходит за пределы категории количества. Задача настоящего исследования состоит в том, чтобы выяснить, каковы иные составляющие данной концептосферы в онтологическом и в функциональном планах, и насколько весома их роль в формировании данной концептосферы.

Если сопоставить градуальные ряды „*многий/немногий/малый*“ и „*много/немного/мало*“, то при сочетаемостном анализе нетрудно заметить функциональную асимметрию их членов. Она проявляется и при сопоставлении пропорциональных оппозиций „*многое/много*“, „*немногое/немного*“, „*малое/мало*“. Отметим наиболее характерные ее случаи.

При анализе ряда „*многое — немногое — малое*“ обращает на себя внимание формообразование и функционирование его членов как суб-

стантивированных прилагательных. *Многое* и *малое* в этом случае могут употребляться только в форме среднего рода ед. ч., например, *И стали князя об этом малом „Это великое” говорить* („Слово о полку Игореве”), *Сэкономить в малом — потерять во многом*, в то время как субстантивированное *немногое* допускает форму и множ. числа: *то немногое, что мы сделали; вернулись немногие*. Наряду с этим представляется достоверным, что с функционально-семантической точки зрения *многое* и *малое* более ограничены по сравнению с *немногим(и)*: чаще всего они используются в составе предложений, нравочений или же характеризуются относительно постоянной фразеологической сочетаемостью с другими словами: *довольствоваться малым, многое нравится/не нравится в ...* и тому подобным. Анализ сочетаемости показывает, что такие слова семантически согласуются в основном с оценочными лексемами. Следовательно, прилагательные и наречия неопределенного количества в русском языке имеют самое непосредственное отношение к формированию оценочной категориальной ситуации и тем самым — к созданию оценочных по своей коммуникативной направленности высказываний, а отсюда можно вывести гипотезу о том, что потенциалы к оценочной категоризации ингерентно заложены в семантике таких слов.

Такой предварительный вывод кажется несколько неожиданным и необоснованным. Несомненно, в рамках диалектического материализма закон перехода количественных изменений в качественные является одним из фундаментальных, однако время несколько пошатнуло незыблемость диалектико-материалистического мировоззрения, и содержание его законов нуждается в некотором переосмыслении и, возможно, ревизии. Кроме того, логико-философская категория оценки является достаточно противоречивой данностью мышления и языка, которую трудно втиснуть в рамки измерения в количественных единицах. Как пишет Н.Д. Арутюнова, „оценочное значение противостоит дескриптивной семантике, фиксирующей воспринимаемые человеком черты объективного мира. Оно отлично и от тех предикатов, которые обозначают свойства невидимых миров — психического и физического-аксиологические концепты (ценности) в одно и то же время зависят от внешнего мира и независимы от него. В этом состоит парадокс оценки” [Арутюнова, 1999, 179-180].

Проблема измеримости оценочного значения уже давно обращает на себя внимание логиков и лингвистов. В работе, ставшей классической для специалистов в области исследования языковой оценки, А.А. Ивин пишет об особом статусе измерения в оценке, в частности: „Временные оценки и оценки величин не являются оценками в указанном смысле. Они не устанавливают ценностных отношений. Их можно назвать, однако, оценками в более широком смысле, в смысле сопоставления, сравнения нескольких предметов между собой в определенном отношении или сопоставлении

некоторого предмета с избранным образцом” [Ивин, 1970, 25]. Под ценностным отношением следует понимать такое отношение субъекта мышления и/или речи к объекту, на который направлены эти мысль и/или речь, при котором объект каким-то образом определяет дальнейшие поступки, мысли, поведение, состояние физического или душевного здоровья и т.п., иными словами, находится в сфере интересов субъекта. Оценку, в свою очередь, следует отличать от ценностного отношения, поскольку первая является репрезентацией последнего в языке или речи. С этих позиций различие между оценкой и ценностным отношением можно продемонстрировать следующим примером:

Человеку необходимо срочно позвонить другому человеку. Однако он отвлекся (интересный собеседник, фильм и т.п., просто забыл об этом). Между ним и звонком существует ценностное отношение (необходимость сделать это), и это отношение усиливается временными параметрами (необходимость сделать это в определенный момент или до определенного временного предела). Оно не фиксируется ни в мышлении, ни в речи, и потому не является оценкой. Внезапно ход разговора или случайный взгляд на часы напоминает ему об этом, человек спохватывается и, при определенном складе темперамента, может высказать свое отношение как к самой необходимости позвонить, так и к своей забывчивости. Таким образом, актуализируется оценка в сознании и (возможно) в речи. Вот возможные речевые реакции подобного рода:

Ой, мне позвонить надо было.

Мамочка, я ж позвонить должен был!

Господи, может, он еще не ушел. Мне срочно надо позвонить и т.п.

Оценка величин обычно выражает интерес субъекта оценочного отношения к определенному количеству какого-то вещества, или к интенсивности процесса, эмоций и т.п. Часто субъективное отношение к таким объектам передается при помощи специальных оценочных языковых средств, таких как *достаточно, уже, еще, слегка* и прочих. Обычно эти средства модифицируют иные оценочные предикаты, однако некоторые из них могут быть единственными предикатами оценочных отношений, например:

С меня достаточно. Я уже не могу. Я еще не готов и т.п.

Однако русские слова неопределенного количества сами по себе также обладают определенным оценочным “зарядом”. Это можно заметить, если проанализировать расстановку ударений в высказываниях, содержащих эти слова. Подобный анализ показывает, что такие слова в основном либо выделяются особым просодическим подчеркиванием при их произнесении вслух, либо же существует синтаксическая конструкция, функционирующая как антитеза к такому слову и также выделяемая логическим или эмфатическим ударением, или же объясняющая, что кроется за этим неопределенным количеством, например:

¹Многое изменилось за это время.

Я ¹много помню о тех временах.

Многое из того, что Вы говорили на собрании, правда, но кому от этого легче?

То многое, что было сделано за все эти годы, зачеркнуто Вашей лояльностью нынешнему руководству.

Категории количества и оценки являются не только языковыми, но и философскими, что свидетельствует об их универсальном характере. Поэтому для уточнения онтологических характеристик этих категорий и их соотношения в единицах речевой реализации необходимо обратиться к материалу других языков.

В английском языке понятия, представленные рядами „многое — немногое — малое” и „много — немного — мало”, проявляют некоторые особенности по сравнению с русским языком. Прежде всего, это более четкое лексико-грамматическое размежевание. В английском языке существует достаточно четкое разделение понятий „много с возможностью поштучного пересчета (в сочетании с исчисляемыми понятиями)” — *many*, и „много с общей характеристикой большого количества (в сочетании с вещественными неисчисляемыми понятиями)” — *much*; такое деление излагается даже в хрестоматийных учебниках грамматики английского языка. Тем не менее, в ряде конкретных речевых реализаций каждого из них можно заметить некоторые интересные особенности.

Во-первых, слово *many* может соответствовать прилагательному (в том числе и в субстантивированном значении) „многие” (*many years have passed; many (people) were against the program*), но оно соответствует и „много” практически без каких-либо сочетаемостных ограничений. Так, высказывание

(9) *Many people asked him to help them, but he refused*

можно перевести на русский двумя способами, причем каждый из них будет обусловлен скорее прагматико-ситуативными факторами, а не семантическими:

(а) *Много людей просили его помочь им, но он отказывался;*

(б) *Многие люди просили его помочь им, но он отказывался.*

Таким образом, концептуальные различия между *many* и *much* оказываются принципиально несущественными. Поэтому едва ли уместно говорить о нейтрализации смысловых различий между этими высказываниями; более приемлемо говорить о вариативности одного и того же предметного содержания.

Во-вторых, слово *much* соответствует прежде всего адвербиальным значениям русского языка (*много сделал, знает много*), и оно может характеризовать действия как такие, которые могут быть измеренными в количественном отношении, так и не подлежащие такому измерению. Между тем

языковые факты показывают некоторую категоричность такого постулата. Так, слово *much* может характеризовать понятия, которые вполне можно перечислить. Это заметно при анализе следующего примера:

Capulet: How long it's now since last yourself and I were in a mask?

2 Capulet: By 'r Lord, thirty years.

Capulet: What, man? 'Tis not so much, 'tis not so much (W. Shakespeare).

Несомненно, в данном примере имплицитно выражена когнитивная транспозиция „годы → время”, а понятие, представленное лексемой „время”, является неисчисляемым, однако такая транспозиция становится возможной лишь при условии оценочного отношения к содержанию высказывания. Зависимость употребления *much* для характеристики исчисляемых объектов от оценочной категориальной ситуации проявляется в следующем примере:

The Vice-President said dryly, „In other words, a police state. You might encounter opposition”.

Big George shrugged. „Some maybe; not much. People will accept the inevitable” (A. Hailey).

Несмотря на то, что лексема *opposition* передает абстрактное понятие, под оппозицией имеются в виду конкретные люди — политики, журналисты, общественные деятели, — т.е. конкретные, способные быть подвергнутыми количественному подсчету случаи выступлений против предлагаемого усиления политики „закручивания гаек”.

Достаточно интересным для демонстрации неоднозначности категориально-количественного статуса слова *much* является следующий пример:

Lady Capulet: younger than you,

Here in Verona, ladies of esteem,

Are made already mothers. By my count,

I was your mother much upon those years

That you are now a maid (W. Shakespeare).

В данном случае актуализируется иная концептуальная характеристика слова *much* — „интенсивность”, и слово *much* употреблено в значении, близком к количественно-временной характеристике, передаваемой словом *already*. Очевидно, данное употребление продиктовано прагматико-эвфоническими факторами, для того, чтобы избежать плеоназма, но оно показывает новый аспект значения этого слова. При этом нельзя сбрасывать со счетов его возможное употребление в счетной функции, поскольку контекст — парентеза *by my count* — не исключает актуализацию категории кванторности, которая ингерентно заложена в концептуальной структуре этого слова.

Для слова *much* семантика интенсивности отнюдь не является случайной. Категория интенсивности логически вписывается в понятие разной степени проявления какого-либо явления действительности и поэтому органически связана с количественным или неколичественным исчислением.

При этом один и тот же референт может описываться языковыми средствами и как определяющий возможность собственного подсчета в количественных единицах, и как выраженный в терминах неопределенно-количественной оценки. Так, волнение моря можно подсчитать в конвенционально принятых единицах — баллах по шкале Бофорта, — но также семантику такой интенсивности можно передать и в рамках неопределенно-количественного градуального ряда „много(сильно) — немного — мало (слабо)”, соответственно „*much — a little — little*” в английском языке, например:

Don't you think it's a little rough, Phil?" he said (I. Shaw) [речь идет о бурном море].

Интенсивность как семантическая категория не просто присутствует в концептосфере неопределенно-количественных понятий. Она является ядерным свойством этих концептов. Интенсивность сама по себе противостоит квантификации, поскольку ее нарастание или убывание осуществляется постепенно, а транспозиция категории количества в сферу интенсивности основана на таком общем свойстве этих когнитивных категорий, как ступенчатость их проявления. По большому счету проявление градуальности качества свойственно всем референтам, способным фиксироваться в их различных состояниях, стадиях и т.п., что отражается в возможности их шкалирования в конвенциональных единицах. Такая градация может профилироваться на онтологически цельные данности объективного мира в следующих контекстуально обусловленных случаях употребления предикатов неопределенного количества:

а) увеличение или уменьшение определенного качества референта вследствие его накопления или расхода в определенный временной период. При этом непосредственное указание на временной период не является обязательным, поскольку он может иметь косвенное выражение, как в следующем примере:

Not once did a muscle in his face move, or a challenge come into those detachedly beautiful eyes. He had learned much since being in the service of Vittorio Scarbanza, Cardinal di Contini-Verchese (C. McCullough).

В данном случае прослеживается прямая зависимость степени выдержки Ральфа де Брикассара от срока его службы у кардинала.

Следует отметить, что подобные случаи зачастую фиксируют сравнение разных качественных состояний, если в эксплицитно или имплицитно выраженном временном периоде указываются точки сопоставления:

The second evening at G.G. Quartermain's Bahamas mansion held a subtly different quality from the first (A. Hailey).

б) в рамках определения степени качества выполняемого процесса оценочные стороны концептосферы предикатов неопределенно-количественного измерения выходят на передний план даже без контекстуальной детерминации. Таким образом, их адвербиальное употребление для харак-

теристики действий или процессов носит отчетливо выраженный аксиологический характер, что проявляется при анализе следующих примеров:

„I pay that frog a fortune to know exactly how I like my food. He slipped last night — not much, but enough to ream him out, so next time he'll remember” (A. Hailey).

Данный пример примечателен еще и тем, что в нем неопределенно-количественное наречие *much* является контекстуальным синонимом к явно оценочному наречию степени *enough* ;

‘... if you detest me so much you'd rather die than stand the sight of me, why in the name of God do you want to hang on?’ (I. Shaw).

в) наиболее четко выраженное оценочное значение предикаты неопределенного количества приобретают в связи с характеристикой лиц, существ, предметов, состояний, черт характера. В этом случае они напрямую определяют аксиологическую направленность высказываний в целом. Вот некоторые типичные примеры реализации сугубо оценочного содержания в актуализации таких слов или их синонимов, таких как (*a*) *lot (of)*, *plenty (of)* и подобных им:

She said more seriously than before, „I've caused you trouble. Quite a lot, I think. So let's stop pretending that I didn't” (A. Hailey).

'I'll get tickets for a show. Bring your girl, if you want. I'd like to meet her.'
'She's nothing much,' Billy said (I. Shaw).

„I'm a great stickler for saying the author's exact words, though, God knows, the words authors write nowadays aren't much” (W. S. Maugham).

Many tears had Mrs. Smith shed; but there was much to be thankful for, too (C. McCullough).

Примечательно, что синонимичный слову *much* предикат неопределенно большого количества *plenty (of)* в атрибутивном, предикативном и субстантивированном употреблении обнаруживает более паритетное соотношение количественных и оценочных характеристик в сходных или тождественных контекстах, при этом в субстантивированном употреблении семантический акцент делается на категориальные аксиологические характеристики:

Almost certainly the press and local politicians would be present, and the direct flights overhead, however necessary at the moment, would give them plenty to write and talk about (A. Hailey).

There was plenty to think about, including troubles at home (A. Hailey).

г) особо следует отметить употребление слов *much* и *little* в качестве модификаторов количества или интенсивности прилагательных в сравнительной степени. При этом акцент смещается в сторону количественных характеристик за счет передачи аксиологического содержания в сравнении. Необходимо обратить внимание на то, что в этом случае закономерности англоязычного семиозиса полностью конгруэнтны русскоязычно-

му, поскольку *much* в русском языке однозначно соответствует *намного*, а *little* — *немногим*, при этом в русском языке имеется объединяющая эти концепты лексема *гораздо*. Несомненно, оценочность как семантическая категория в этом случае смещается на периферию концептуального содержания, поскольку подобные сочетания могут передавать и нейтральное констатирующее, не оценочное, значение:

Silver regarded them thoughtfully as they slapped each other on the back and dispersed to their duties. Why, they were little better than sheep (D.Judd).

They walked shoulder to shoulder, much closer than was permissible between ordinary men (C.McCullough).

д) исчисляемые предикаты неопределенного количества *many* — *a few* — *few* также проявляют концептуально-аксиологические характеристики, свойственные соответствующим неисчисляемым предикатам. Естественно, сфера их аксиологического употребления намного ограниченнее, нежели у соответствующих лексем, передающих неисчисляемое количество, поскольку они не могут модифицировать абстрактные и вещественные понятия, однако их употребление для передачи конгломерированного оценочно-счетного содержания не вызывает сомнения:

„A good many people,” Roscoe Heyward commented, „might consider that with your connections ... such ignorance would be unlikely” (A.Hailey).

But of how many areas of aviation could the same thing be said? Mel reflected: very few (A.Hailey).

The photograph still remained, as did many memories (A.Hailey).

Таким образом, анализ предикатов неопределенного количества в английском и русском языках показывает, что в их концептуальной структуре существенным компонентом, определяющим их парадигматические характеристики и особенности синтагматической актуализации, является их оценочное содержание. При этом оценочность образует свос поле, с выраженными ядром и периферией, постоянно взаимодействующее с полем количества через интегративную категорию интенсивности. Именно таким сложным пересечением разных по своим онтологическим параметрам категориальных характеристик обусловлено многообразие речевых актуализаций соответствующих лексем, являющееся их основной функционально-семантической характеристикой.

Литература

1. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика (синонимические средства языка).— М.: Наука, 1974.— 367 с.
2. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека.— 2-е изд., испр.— М.: Школа Языки русской культуры, 1999.— I-XV, 896 с.
3. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики).— М.: Школа Языки русской культуры, 1997.— 576 с.
4. Ивин А.А. Основания логики оценок.— М.: Изд-во Моск. ун-та, 1970.— 230 с.